

Департамент культуры города Москвы
Управление культуры Центрального административного
округа города Москвы
Государственное учреждение культуры города Москвы
«Библиотека украинской литературы»

Юрий Лабынцев
Лариса Щавинская

ФЕОФАН ЛЕБЕДИНЦЕВ

– ОСНОВАТЕЛЬ «КНЕВСКОЙ СТАРИНЫ»

(К 180-летию со дня рождения: 1828-2008)

Москва – 2008

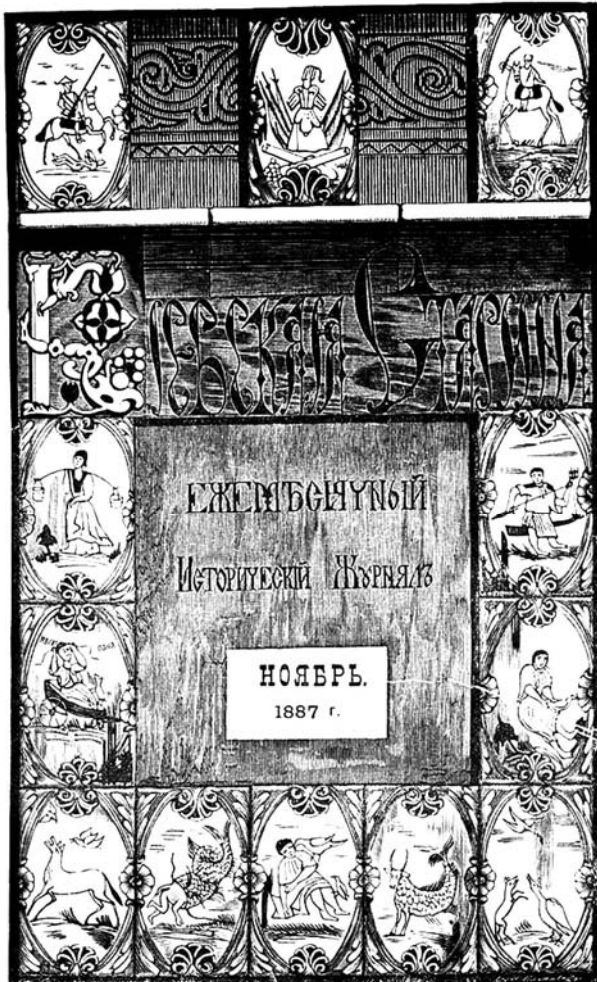
Лабынцев Ю., Щавинская Л. **Феофан Лебединцев – основатель «Киевской старины»** (К 180-летию со дня рождения: 1828-2008) / Департамент культуры г. Москвы, Управ. культуры ЦАО г. Москвы, ГУК г. Москвы «Библиотека украинской литературы». – М., 2008. - 48 с.

В издании рассказывается о творческом пути известного общественного деятеля, ученого и литератора Феофана Гавриловича Лебединцева (1828-1888), явившегося родоначальником украинской научной периодической печати, один из многочисленных псевдонимов которого как нельзя лучше отображает внутренний облик этого незаурядного человека – «Кобзарь-народолюбец с Киевщины».

© Ю. Лабынцев, Л. Щавинская, 2008
© Госуд. учреждение культуры г. Москвы
«Библиотека украинской литературы», 2008

Феофан Гаврилович Лебединцев

Тип. А. Давиденко, арт. Л. Штаммочъ. Малая Житою, ул., д. № 4.

Обложка журнала «Киевская старина»

Посланец Черкасской земли

12 марта 1828 года в многодетной семье потомственного священника с. Зеленая Дубрава (Зелена Діброва) на Черкасщине о. Гавриила Лебединцева и его супруги матушки Феклы родился пятый сын, названный Феофаном. Как и все его братья, после домашнего обучения он поступил в духовное училище в городке Богуславе, куда детей сельского священника возили крепостные местного помещика, в том числе и Тарас Шевченко.

Несмотря на материальные трудности родителям удалось дать детям прекрасное образование, а некоторые из них стали весьма известными людьми, например, брат Феофана Петр (1819-1896) – церковный историк, педагог, литератор, настоятель Софийского кафедрального собора в Киеве.

После окончания Киевской семинарии Феофан учится в Киевской духовной академии, из которой выходит в 1851 году со степенью кандидата богословия. С этого момента в течение десяти лет он преподает в Воронежской и Киевской духовных

семинариях, а в 1861 году становится профессором Киевской духовной академии.

С конца 1864 года шестнадцать лет длится его труднейшая деятельность в качестве руководителя народного образования на землях польско-украинского пограничья – современных территориях востока Польши, исторической Холмщине и ее порубежье. После выхода в отставку в 1880 году поселившийся в Киеве Феофан Гаврилович целиком посвящает себя созданию и изданию замечательного журнала «Киевская старина» (1882-1906), материалы которого по сей день не утратили своей ценности. В определенной степени выход в свет «Киевской старины» стал настоящим подвигом этого человека долга и идеи, каким в течение всей своей жизни был профессор Ф.Г. Лебединцев. Несмотря на более чем важный и успешный опыт создания крупнейших периодических изданий, как это было со знаменитым журналом «Руководство для сельских пастырей» (1860-1917), ставшем выходить по инициативе Феофана Гавриловича в бытность его преподавателем Киевской духовной семинарии, «Киевская старина» забрала все его последние силы. Он скончался в Киеве в день своего рождения 12 марта 1888 года.

Киево-Печерская Лавра
(гравюра середины XIX в.)

Первый журнал

Мысль об издании специального журнала для самой многочисленной группы православного духовенства Российской империи, сельского пастырства, появилась у Ф.Г. Лебединцева довольно рано. С детства знакомый с трудами и днями сельского священника, он как никто другой видел насущную необходимость в появлении подобного периодического издания, способного помочь не только простому сельскому батюшке, но и обратить внимание на глубинные основы духовной народной жизни со стороны всех образованных слоев тогдашнего общества.

К концу 1850-х годов Ф.Г. Лебединцев подготовил программу нового журнала, а в 1860 году появился и первый номер «Руководства для сельских пастырей», начавшего выходить в Киеве «при Киевской духовной семинарии». Ф.Г. Лебединцев руководил журналом вплоть до 1863 года, много писал для него сам и, сделав «Руководство для сельских пастырей» одним из самых известных и массовых периодических изданий, положил основание ценнейшему архиву по истории духовной

жизни крестьянства и сельского духовенства второй половины XIX – начала XX веков.

Журнал ставил перед собой задачу помочь в духовно-нравственном просвещении народа, в новых пореформенных условиях объединить силы и опыт сельского пастырства, которое с самого начала приветствовало выход «Руководства» в свет. Журнал имел огромный успех, и не только на селе, но и в городах. Его читали не одни лишь духовные лица, но и многие светские – от крестьян до высших сановников и даже представителей императорской фамилии.

Уже в первый год существования «Руководство для сельских пастырей» имело огромную подписку, а отдельные материалы различных его номеров нередко переписывались от руки и в таком виде распространялись по всей Российской империи.

Киево-Печерская Лавра. Дальние пещеры
(гравюра середины XIX в.)

Холмщина

Среди украинцев всего мира Холмщина известна своей удивительно богатой, загадочной историей и трагической судьбой, распорядившейся так, что коренной народ, ее населявший, был практически целиком насильственно депортирован отсюда в послевоенные 1940-е годы на север и запад Польши, в Советский Союз, а еще раньше, в межвоенные годы сотни его православных храмов оказались ликвидированными польскими властями, причем значительная их часть, несмотря на несомненную культурную ценность и древность, подверглась полному варварскому уничтожению, невзирая на протесты представителей различных конфессий, видных государственных и общественных деятелей различных стран.

Голос самого народа, «национального меньшинства», тогда в предвоенные годы не был услышан, а после войны, вследствие насильственной депортации, украинская жизнь здесь почти замерла...

Легендарная Холмщина – обширная древняя историко-культурная область, границы которой de facto никогда не совпадали с границами административными. Последние же, кстати, почти невозможно точно определить даже в относительно

короткой исторической перспективе. И ранее и теперь Холмщина воспринималась именно как некая географическая, а не административная область, заключенная в нечетко фиксированных границах, «определенных» целым комплексом факторов: историко-культурной ситуацией, конфессиональными процессами, этнокультурными судьбами этого края, имевшего статус особого историко-культурного пространства, что прочно, на века, утвердилось в народном сознании.

Именно сюда в древний город Холм, столицу Холмщины, 4 декабря 1864 года был направлен в качестве начальника Холмской дирекции народных училищ профессор Ф.Г. Лебединцев. Ему удалось многое сделать здесь на ниве образования, открывать школы, гимназии и курсы, помогать учителям и учащимся, способствовать возрождению местной украинской культуры. Именно он был одним из тех, кто выдвинул идею создания в Холме православного братства, столь много сделавшего для изучения здешнего края, его истории и культуры, собирания и сбережения памятников славянской старины.

В Холме Ф.Г. Лебединцева постигло большое горе – в 1866 году скончались два его малолетних сына, Алексей и Николай, а в 1868 году – жена Юлия, которые были погребены в ограде Холмской церкви св. Иоанна Богослова, существующей и доньше. Убитый горем Феофан Гаврилович переводится в соседнюю Люблинскую дирекцию народных училищ, а в 1872 году в Радомскую дирекцию народных училищ.

Православный кафедральный собор в городе Холме
(гравюра второй половины XIX в.)

О Холмском крае, местном украинском населении и возрождаемой его культуре Ф.Г. Лебединцев помнил всю оставшуюся жизнь. Часть его сердца осталась здесь. Он полюбил эту землю и ее людей, а одними из многочисленных литературных псевдонимов самого Ф.Г. Лебединцева стали «Холмский братчик» и «Холмский старожил».

Сколько же им написано?

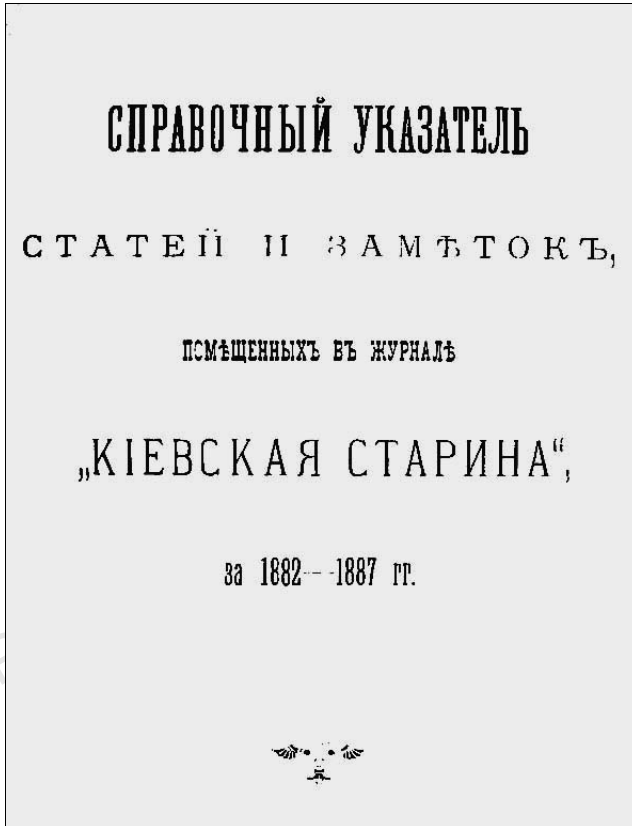
Ответить на этот вопрос непросто. Собственно никто пока и не составил более или менее полной библиографии работ Ф.Г. Лебединцева. Впрочем, не существует даже и полного списка его литературных псевдонимов. Вот перечень лишь некоторых: Б. Д-рь, К., Кобзарь-народолюбец с Киевщины, К. Цыбульский, Т. Шнейдер, Ф. Лобода, Ф.Г.Л., Холмский братчик, Холмский старожил, Ц.

Многие свои печатные работы профессор Ф.Г. Лебединцев попросту не подписывал. Подобный масштабный пример – объемные тома «Киевской старины» за 1882-1887 годы, содержащие десятки анонимных публикаций, подготовленных именно им. Систематически Феофан Гаврилович начал печататься с 1860 года в «Руководстве для сельских

пастырей», а годом позднее и в «Киевских губернских ведомостях», затем в «Киевских епархиальных ведомостях», которые он некоторое время редактировал вместе со своим братом П.Г. Лебединцевым. В 1859 году Феофан Гаврилович устанавливает близкие отношения с Т.Г. Шевченко, а в 1861 году в № 6 журнала «Основа» печатает свою «беседу» «Объ ярмаркахъ», адресованную «до сельскихъ парафіянъ», то есть «сельских прихожан» - крестьян. Этой «беседой» Ф.Г. Лебединцев Т.Г. Шевченко особенно дорожил, считал ее образцом «учительного разговора» с простолюдином.

Год от года растет число самых разнообразных публикаций Феофана Гавриловича – статьи, заметки, речи-беседы, очерки, рецензии, брошюры, книги. В 1864 году в Киеве он издает 2-й том первой части «Архива Юго-Западной России», навсегда увековечивший его имя как одного из виднейших ученых-археографов и историков XIX столетия. Будучи признанным специалистом по проблемам униатской церкви с момента защиты диссертации на эту тему, Ф.Г. Лебединцев печатает во 2-м томе «Архива» более полутора сотен документов, отображающих историю борьбы православных Киевщины с унией в середине XVIII века.

Семейная трагедия надолго прерывает его литературную деятельность, но в начале 1880-х годов она возобновляется с новой силой.

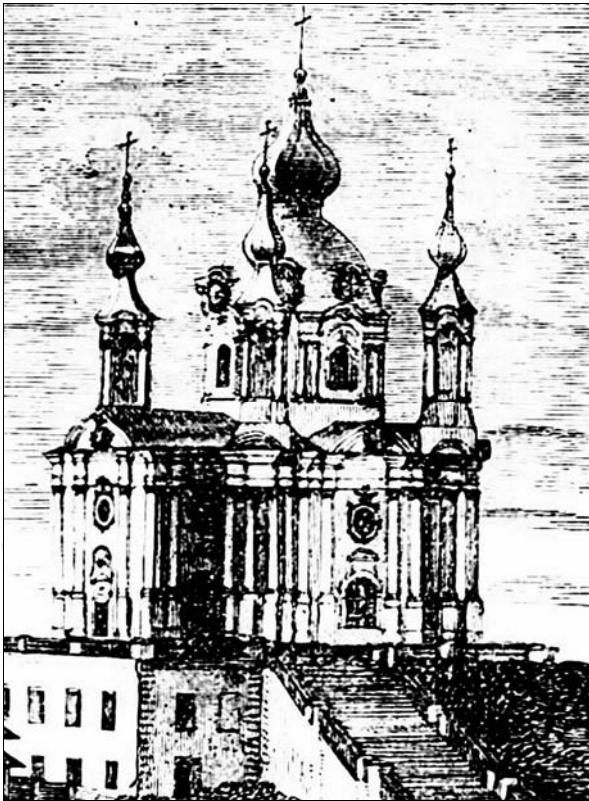
Титульный лист «Справочного указателя статей и заметок, помещенных в журнале «Киевская старина» за 1882—1887 гг.», прилагавшегося к XX тому журнала (Киев, 1888)

«Киевская старина»

Вышедший в отставку Ф.Г. Лебединцев по возвращении в родной Киев сразу же оказался вовлеченным в местную культурную и научную жизнь. Не удивительно, что именно он возглавил организацию и издание нового журнала – на этот раз первенца украинской научной периодической печати. Уже в январе 1882 года «Киевская старина» начала выходить в свет. В первом ее номере была помещена своеобразная программа журнала, в котором предполагалось публиковать «самостоятельные исследования по истории южной России и разнообразные материалы для нее в виде особо ценных исторических документов, мемуаров, хроник, дневников, записок, воспоминаний, рассказов, биографий, некрологов, характеристик, описаний вещественных памятников южнорусской древности – в зданиях, архивах и всякого рода предметах древности быта и, наконец, заметок обо всем вообще, что составляет принадлежность и характерную особенность исторически сложившегося народного быта или служит проявлением народного творчества

или мировоззрения, каковые неисследованные обычаи – религиозные, правовые и т. п., исчезающие древние напевы, незаписанные думы, сказки, легенды, песни и пр.».

За короткий срок Ф.Г. Лебединцеву удалось создать не только один из лучших местных научных журналов в тогдашней Российской империи, но и способствовать сложению своего рода литературного ученого сообщества, занимающегося изучением истории и культуры прошлого и отчасти настоящего украинских земель. Эту его высокую миссию, несмотря на порой невыносимые издательские трудности, отмечали уже тогда многие современники. Так, известный славист и украиновед, потомок украинской казацкой старшины профессор Н.Ф. Сумцов вспоминал: «Сотрудники из людей науки всегда составляли главную силу “Киевской Старины”, и с этой стороны журнал этот всегда находил наиболее существенную поддержку. Однако, по временам и здесь чувствовалась слабость, в смысле отсутствия обработанных научных статей, заменяемых случайными и беглыми набросками или чаще сырым материалом. “У меня ровно ничего нет, кроме хлама”, писал мне Ф. Г. в конце 1885 года. “Мое уныние, постоянное горевание вызывается тем, что редко редко попадет что-нибудь путное, а большею часть хлам, с которым возись до одурения”. В недостатке обработанных научных статей Ф. Г. отчасти винил себя, отчасти знакомых ему ученых, себя в том смысле, что не может оплачивать хороших статей достаточным гонораром, других в “леночувстве”, т. е. в малой научной продуктивности.

Киев. Церковь св. апостола Андрея Первозванного
(гравюра середины XIX в.)

“Не посеяв не пожнешь”, говорит он в одном письме по поводу невозможности сделать затраты на улучшение журнала и прежде всего на уплату сотрудникам надлежащего гонорара, “сухая ложка рот дерет, и милостыней сыт не будешь”. Чувствуя всю слабость общественной поддержки, Ф. Г. с горечью заметил однажды, что “ничего путного создать мы не могли, ничего удержать на продолжительное время”. При всем том Ф. Г. насчитывал 50 сотрудников, а из этого числа выделял 15 таких, с помощью которых можно смело вести издание».

Не все так просто было и с «читающей публикой», с читателями, что составляло особую заботу Ф. Г. Лебединцева. Н. Ф. Сумцов писал об этом: «Число подписчиков “Киевской Старины”, судя по письмам Ф. Г. не поднималось выше 800, а к концу 1887 года даже уменьшилось, что объясняется стечением многих неблагоприятных обстоятельств, большею частью не зависевших от редакции. В конце каждого года Ф. Г. жаловался на слабый ход журнала в публике и побуждал лиц, расположенных в пользу издания, содействовать большему его распространению, причем Ф. Г. особенно дорожил вниманием и поддержкой духовенства. По-видимому, он и в южнорусском духовенстве надеялся найти такой интерес к местной старине, какой обнаруживает галицко-русское и отчасти холмское духовенство. Собирал он, между прочим, адреса благочинных харьковской епархии. “Я пошлю им объявления, писал он мне по этому поводу; ведь срам сказать, ни один иерей харьковской епархии не

выписывает “Киевской Старины”. Расположением Ф. Г-ча к духовенству объясняется его склонность помещать в журнале статьи по местной церковной истории и систематическое устранение таких статей или материалов, которые не соответствуют православному религиозному благочестию, хотя бы вполне позволительных в цензурном отношении. Так, из моих мелких статей не была помещена заметка об “Израильском Змие” Г.С. Сковороды, по-видимому, за указание на пантеистический характер этого сочинения. “Прислали мне из Москвы, писал в 1884 г. Ф. Г., чуть ли не полпуда неизданных сочинений Сковороды. Я только пересмотрел; но, увы! ничего в них народного. Все задавила школа и злосчастный пантеизм, который выступает со всей яркостью”. А между тем пантеизм составляет характерную сторону миросозерцания Сковороды, и любопытно было бы подробнее с ним ознакомиться, тем более, что при всей темноте и суши сковородиных творений в них местами пробивается глубокая мысль и светлое поэтическое одушевление. Ф. Г. не любил ничего туманного и требовал ясно сознанный мысли и ясного изложения».

Для «Киевской старины» 1882-1887 годов Ф.Г. Лебединцев был буквально всем. Он практически единолично вел журнал. Являлся и редактором, и корректором, и, в широком смысле, издателем. Тяжелая черновая работа по выпуску журнала буквально «заедала» Феофана Гавриловича. На собственные научные труды не оставалось ни сил, ни времени. Незадолго до смерти, в конце 1887 года, он восклицал: «О, если бы я был свободен от

редактирования, корректуры, корреспонденции, конторы, сколько я один мог бы еще сделать. Но, увы! согнулся хребет мой от работы, в большинстве такой, для которой не нужно ни таланта, ни знания...».

Обеспокоенный будущей судьбой своего журнала больной Ф.Г. Лебединцев передает его в надежные руки – Александру Степановичу Лашкевичу, которому уступает право издания «Киевской старины» за две тысячи рублей. Журнал продолжает выходить. В начале 1888 года в нем появляется краткое «печальное известие о кончине Феофана Гавриловича Лебединцева, создавшего “Киевскую Старину”, неустанно и с честью потрудившегося над нею».

Позднее в журнале не раз возвращаются к воспоминаниям о его создателе профессоре Ф.Г. Лебединцеве. Один из близко знавших Феофана Гавриловича писал через несколько месяцев после его кончины: «Я хочу вспомнить о том невидимом, огромном труде, который он вложил в основанную им “Киевскую Старину”, труде, который он нес в значительной степени самостоятельно, до последних мелочей и который свел его в могилу. Этот труд на поприще новом, обставленном многими тяжелыми данными, с слабой и вялой общественной поддержкой, требует всего человека. Как в театре публика не думает о режиссере, так, читая журнал, он забывает о редакторе. Публика знает только то, что появляется из журнального материала в книге. Она не знает той массы недомыслия и умственной слабости, которую приходится отвергать, не знает

процесса переработки, предшествующего появлению многого в печати. Невидимая лаборатория, где проделывается все это – редакторский стол. У этого стола, едва покинув этот труд, и умер Лебединцев. Кто знает размеры этого труда, тот забудет и простит ошибки покойного, если они были, и вспомнит только то высокое и доброе, что было плодами его работы».

БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В МОСКВЕ

Киево-Печерская Лавра. Троицкая надвратная церковь
(гравюра середины XIX в.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Воспоминания Ф.Г. Лебединцева о Т.Г. Шевченко

Печатается в сокращении по публикации в журнале
«Киевская старина» (Киев, 1887, Т. XIX. С. 563-577)
с сохранением всех особенностей оригинала

«Т. Гр. Шевченко ближайшій мнѣ землякъ. Село Кириловка, въ которомъ онъ родился и провелъ юные годы, всего въ семи верстахъ отъ мѣста моего рожденія, села Зеленой или по письменному Зеленой Дубровы; а въ нашемъ селѣ, на искосокъ чрезъ улицу отъ насъ, рядомъ со школой, жила родная старшая сестра поэта, Катерина, по мужу Красицкая, у которой онъ въ дѣтствѣ по долгу проживалъ. Не смотря на это, узнать Тараса пришлось мнѣ не скоро, а познакомиться съ нимъ довелось лишь не задолго до его смерти, и то на короткое время, такъ сказать мимоходомъ.

Какъ однако ни кратковременно было мое знакомство съ нимъ, но и тѣ немногія воспоминанія объ немъ, которыя я хочу здѣсь изложить, не лишены будутъ интереса для почитателей памяти славнаго поэта и пригодятся, быть можетъ, хотя какую либо чертою для будущихъ его біографовъ.

Имя Тараса стало извѣстно мнѣ съ юношескихъ моихъ лѣтъ по упоминаніямъ объ немъ въ нашей семьѣ, относящимся къ той главнымъ образомъ порѣ его жизни, когда къ его христіанскому имени не прикладывалось еще никакого другаго,

кромѣ имени *хлопця* и *погонича*, когда онъ, не окончивъ ученія ни въ школѣ дьячка Петра Богорскаго, ни у хиромантика-діакона с. Майдановки, жилъ нѣсколько лѣтъ, въ неопредѣленномъ положеніи не то наймита, не то приѣмша, у священника с. Кириловки о. Григорія Кошица. Семья этого сосѣда была въ ближайшемъ знакомствѣ съ нами и если напр. приѣзжалъ къ намъ въ гости о. Григорій съ своею супругою Ксенією Прокопівною, то широкохвостю буланою ихъ кобылою по большей части правилъ Тарасъ, будущій украинскій поэтъ, и онъ же продовольствовалъ ее въ нашей конюшнѣ и водилъ на водопой до «Нечитайлового ставка». На той же одинокой кобылѣ доставлялъ онъ сына о. Григорія Яся къ ученію въ Богу-славъ и потомъ въ Кієвъ, а иногда возилъ сливы, яблоки или дыни на продажу въ сосѣднія мѣстечка Бурты и Шполу, совершая каждый разъ переѣздъ черезъ наше село. Въ одинъ изъ такихъ переѣздовъ Тараса и Яся на Нечитайловомъ мостку «спиткала лиха година»: возъ ли, или мостокъ подломился, не помню, но только сливы высыпались изъ воза въ такой ставокъ, въ которомъ курицѣ утонуть было нельзя, но и вылѣзть изъ него трудно. Прибѣгли они къ намъ просить «поратунку», какъ выражалась матушка Ксенія Прокопівна, и долго вытаскивали сливы изъ болота и полоскали ихъ въ болотной же водѣ. Сколько помнится, торговая эта экспедиція

вышла неудачною: такъ называемыя *раннія* сливы не выдержали далекаго переѣзда и какъ они оказались кромѣ того въ болотѣ, то и цѣна имъ была грошъ. Тарасу и Ясю досталось, кажется, на бублики отъ разсчетливаго, даже нѣсколько скупаго и взыскательнаго о. Григорія, хотя общественное мнѣніе околотка виныло именно его за то, что онъ вздумалъ транспортировать въ далекую дорогу столь нѣжный продуктъ, и даже сама матушка Ксенія Прокопівна не одобряла по существу столь смѣлаго и рискованнаго проэкта своего «господинка», выставляя въ доводъ о раннихъ сливахъ то, что Богъ родить ихъ «на всякого долю» и что добрые люди отдають ихъ за *спасыби*, а излишекъ предоставляютъ даже на потребление собакамъ и свиньямъ. Но о. Григорій тѣмъ и былъ оригиналень, что чужихъ доводовъ, а тѣмъ болѣе доводовъ своего *подружія* не признавалъ, смотрѣлъ вообще на вещи философски или же съ точки зрѣнія экономической.

Приходилось ли мнѣ видѣть когда либо Шевченка въ этомъ первобытномъ приниженномъ состояніи, никакъ припомнить не могу; не могу также опредѣленно сказать, какова была жизнь Тараса у о. Григорія, какъ долго и на какихъ условіяхъ онъ жилъ у него. Первоначально, по малому возрасту, былъ онъ *креденсовымъ* (буфетчикомъ), какъ говорили въ шутку, т. е. чистилъ и пряталъ въ шкафъ ножи и вилки, перемывалъ

тарелки и ложки, топилъ «грубку въ покояхъ», состоялъ на мелкихъ посылкахъ по селу и въ поле, по вечерамъ повторялъ псалтырь и читалъ житія святыхъ, въ досужіе часы рисовалъ углемъ на коморѣ и стайнѣ пѣтуховъ, людей, церковь, даже и кievскую дзвиньцю, а за тѣмъ его стали употреблять и на всѣ другія хозяйственныя и полевыя работы и даже на самостоятельныя и отвѣтственныя поѣздки съ Ясемъ въ школы и на ярмарки. Получалъ ли Тарасъ за свой трудъ и услуги какую либо плату, не знаю; думаю, что сначала, будучи еще хлопцемъ, онъ не имѣлъ никакого денежнаго вознагражденія, какъ сирота, котораго надо было одѣть и прокормить, и какъ не пріученный еще и малоспособный къ работѣ. И впослѣдствіи наемная плата его не могла быть сколько нибудь значительна: въ тѣ годы дюжій парубокъ на хозяйской одежѣ получалъ 15-20 руб. асс. въ годъ, а мальчикъ лѣтъ 16-ти, съ шуточнымъ названіемъ «креденсового», служилъ у насъ приблизительно въ тоже время за три рубля асс. въ годъ.

Зная близко священника Кошица и его жену, можно безошибочно утверждать, что по тогдашнему крестьянскому быту подроставшій Тарасъ нигдѣ не могъ бы найти лучшаго пріюта, какъ въ домѣ приходскаго батюшки, и что жизнь его здесь (а онъ жилъ, полагать надо, не меньше 3 лѣтъ) была гораздо

удобнѣе и безпечальнѣе, чѣмъ жизнь другихъ, даже хозяйскихъ сыновей его возраста. О. Григорій былъ хорошій распорядительный хозяинъ и если былъ строгъ и взыскателенъ, то конечно больше на словахъ, ибо о тѣхъ наказаніяхъ и истязаніяхъ, какимъ подвергались неисправные и лѣнивые работники на панщинѣ, тутъ не могло быть и рѣчи; что же касается самой матушки, то это была идеальная женщина по необычайной добротѣ, кротости, снисходительности, заботливости и попечительности обо всемъ и обо всѣхъ. У такой хозяйки рабочимъ не могло быть плохаго житья, а по части кормленія имъ могли завидовать и хозяйскія дѣти. Непосильнымъ трудомъ своей прислуги священники никогда не обременяли; но и праздно сидѣть у нихъ не приходилось, такъ какъ хозяйство ихъ было обширнѣе крестьянскаго и въ немъ заключался главный источникъ ихъ содержанія. И въ нравственномъ отношеніи здѣсь было больше выдержки, порядка жизни и охраны отъ всякой гульбы и соблазновъ. Можно съ полною увѣренностью допускать, что лучшія нравственныя свои воззрѣнія и идеалы нашъ поэтъ вынесъ отсюда и обязанъ ими боголюбивой, истинно-христіанской душѣ своей матушки и ея сострадательности и любви ко всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ. Тѣмъ болѣе удивительно, что покойный Тарасъ Григорьевичъ, обязанный быть можетъ, лучшими годами своей

жизни о. Григорію Кошицу и его женѣ, ни однимъ словомъ не обмолвился объ нихъ ни въ своей автобіографіи, ни въ послѣдующихъ бесѣдахъ со мною, когда казалось, не было болѣе подходящаго предмета для разговора, какъ эта жизнь у людей столь близко извѣстныхъ намъ обоимъ. Почему? Не потому ли, что вообще онъ не любилъ обращаться воспоминаніями къ своей сиротской приниженой жизни? Не вспоминалъ онъ и о своей старшей сестрѣ Катеринѣ, въ противоположность Яринѣ, которую печатно величалъ великомученицею. Ее, т. е. старшую сестру Тараса, звали у насъ «Катрею гугнявою», потому что она отъ природы, или отъ болѣзни какой гнула. Послѣ того, какъ Тарасъ не задолго до ссылки своей побывалъ на родинѣ и у нея, Катри, она, вспоминая его дѣтство, рассказывала матери моей о его блуканьѣ въ дѣтскіе годы изъ Кириловки въ Зелену, т. е. отъ отчима къ старшей сестрѣ и обратно. «Приблудю ёго, матушечко, звали, ей Богу. Було оце й не видно, якъ воно рипъ и ввійде тихенько до хаты, сяде соби на лави та все мовчить. Ничого въ свити у ёго не допытаешся: чи ёго прогнали видтиля, чи ёго били, чи исти ёму не давали. Було манивцями ходыть, геть по пидъ дибровою, та черезъ Гарбузивъ яръ, та черезъ левады, та мѳгилками. И якъ прыйшло разъ воно, то такъ впало грудочкою и заснуло на лави, а я якъ загляну ёму въ голову, ажъ у ёго, пробачайте, матушечко, въ голови... якъ у свинячому стегни... Эге, отаке було, а

дали выстербало... Нихто й не сподивався зь ёго чоловіка». ...

Въ этотъ единственный разъ Тарасъ Григорьевичъ былъ у насъ въ домѣ; но меня въ ту пору не было тамъ и мнѣ не пришлось тогда выдѣть его, о чемъ я, конечно, много жалѣлъ. Провожалъ его отъ насъ въ ближайшее село Княжу на почтовую станцію одинъ изъ старшихъ моихъ братьевъ. Пора была вечерняя; на пути лежалъ густой, лиственный лѣсъ *довжокъ*, съ версту шириною. Когда вѣхали мы въ лѣсъ, рассказывалъ мнѣ братъ, стало совсѣмъ темно. Я вѣхалъ съ Шевченкомъ, позади слѣдовалъ братъ его Никита съ другимъ родичемъ. Вдругъ Тарасъ хватился своего кисета съ табакомъ и нигдѣ его не находить. Остановили лошадей, слѣзли съ брички и давай искать, присвѣчивая скоропотухавшими спичками. Никита, остановившись позади, нетерпѣливо ожидалъ конца нашихъ поисковъ, все спрашивая брата, что онъ потерялъ.

— Та яка тамъ згуба? крикнулъ онъ еще разъ Тарасу.

— Та капшукъ съ тютюномъ десь дився, отвѣчалъ тотъ ему.

— Тыпфу! откликнулся на это Микита; катъзна що шукать, и крикнувъ родичу: «звертай», свернули съ дороги и умчались впередъ.

Традиційна въ минушемъ козачествѣ люлька преслѣдовалась теперь въ убогомъ крестьянствѣ, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ сосѣднихъ селахъ, какъ праздная панская забава, нерѣдко опасная при частомъ и близкомъ обращеніи съ соломою. Вотъ отъ чего и Микита такъ презрительно отнесся къ привычкѣ брата къ табаку и его потерѣ. Коли ты не панъ, то не приходится тебѣ панскимъ прихотямъ предаваться, - такъ конечно разсуждалъ про себя Микита.

Куда уѣхалъ Тарасъ изъ Княжей, не помню. ...

Менѣ чѣмъ черезъ годъ послѣ этого Тарасъ Гр. Шевченко былъ уже арестованъ, а затѣмъ очутился въ ссылкѣ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Меня живо интересовала судьба незнакомаго земляка-поэта. Я прочелъ уже его «Гайдамаки», и «Катерину» и проникся величайшимъ уваженіемъ къ его таланту. Съ жадностью слушалъ я рассказы о его дѣтствѣ, ученіи, выкупѣ, о портретѣ генерала, проданномъ имъ на вывѣску и о его собственномъ портретѣ въ солдатской одежѣ, присланномъ изъ ссылки какому-то пріятелю вмѣсто письма, въ отвѣтъ на вопросъ о житьѣ-бытьѣ; съ наслаженіемъ прочитывалъ ходившія по рукамъ его не напечатанныя стихотворенія. Кончилось мое ученье, Тарасова ссылка. Я побывалъ уже на службѣ, вдали

отъ родныхъ, и успѣлъ перебраться въ родной мнѣ Кіевъ. Прочелъ наконецъ «Наймичку» и не повѣрилъ Кулишу въ его сочиненной исторіи о происхожденіи этой поэмы. Какая тутъ степная барышня! Одури, Пантелимоне, того, въ кого носа нема, думаль я про себя, видя въ каждомъ словѣ «Наймички» не барышню, а усатаго Кобзаря.

Насталь 1859 годъ. Въ каникулярное время я очутился почему-то въ Кіевѣ, а не у родныхъ; очутился здѣсь и Тарась Григорьевичъ, доставленный сюда подъ арестомъ черкасскимъ исправникомъ Табачниковымъ послѣ извѣстной катехизаціи съ зернами, произведенной Тарасомъ въ какой-то корчмѣ въ состояніи не вмѣняемости. Грустная эта исторія могла бы, говорятъ, кончиться ничѣмъ, но тутъ примѣшалось будто бы личное самолюбіе исправника, не осторожно задѣтое Шевченкомъ. Исправникъ, видите-ли, любилъ въ часы досуга предаваться поэтическимъ изліяніямъ и когда Тарась былъ доставленъ къ нему, то онъ, послѣ распросовъ, успокоивъ его, накормилъ его даже обѣдомъ, а послѣ обѣда представилъ ему на судъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній, вынувъ ихъ изъ столика, у котораго они сидѣли. Тарась, прослушавъ одно или два стихотворенія и будучи вѣроятно въ состояніи нѣкотораго подпитія и веселаго настроенія, взялъ изъ рукъ исправника тетрадку его стиховъ,

положилъ обратно въ ящикъ, изъ котораго они были вынуты и заперши на ключъ, выбросилъ ключъ въ растворенное окно, давъ совѣтъ непризванному поэту не искать ключа. Обидѣвшійся исправникъ сказалъ что-то рѣзкое Шевченку; онъ отвѣтилъ тѣмъ же. Исправникъ въ старой стереотипной формѣ указаль на свое служебное положеніе, Шевченко отвѣчалъ: «дурный ты зъ твоимъ»... Тогда исправникъ далъ мѣсто правосудію и раба Божія Тараса препроводили въ Кіевъ, а здѣсь посадили въ крѣпость. Пока подлежащія власти разбирали дѣло о неудачномъ гаданьи Тараса на зернь, его выпросилъ къ себѣ на поруки мой школьный товарищъ, священникъ Ефимъ Ботвиновскій, которому Н.С. Лѣсковъ въ своихъ «Печерскихъ антикахъ» посвятилъ нѣсколько страницъ.

Было 1-е августа, праздникъ происхожденія, точнѣе предхожденія или преднесенія честныхъ древъ Животворящаго Креста. На Подолѣ, въ церкви братскаго монастыря служилъ литургію нынѣшній петербургскій, а тогда кіевскій митрополитъ Исидоръ, а оттуда совершалъ обычный крестный ходъ на Днѣпръ для освященія воды. Я пошелъ на церемонію и шелъ рядомъ съ процессією. Тутъ подмигнулъ мнѣ шедшій въ процессіи о. Ефимъ. Я подошелъ къ нему, а онъ шепчетъ мнѣ: «тебе Тарасъ

шукае». Гдѣ, что и какъ, спрашиваю я, не зная ничего предъидушаго, и о. Ефимъ передалъ мнѣ вкороткѣ всю исторію привезенія, какъ онъ выразился, «честныхъ мощей Тарасѣ» въ Кіевъ и содержания ихъ у него на порукахъ. Я выразилъ намѣреніе самолично въ тотъ же день отправиться на поклонъ къ великому поэту; но о. Ефимъ отклонилъ меня отъ этого. «Загулявъ, говорить, козакъ зъ горя, та зъ печали. Десь тыняется по ярамъ та горамъ... Не ночуетъ даже иной разъ у меня; и сегодня нѣтъ его дома. Жди, пока самъ забредетъ къ тебѣ». Я прождалъ дня три; навѣдался самъ, но и хозяина дома не засталъ.

6-го августа, въ день Преображенія Господня, на Подолѣ случился большой пожаръ. Я пошелъ на пожарище почти въ сумерки и неожиданно встрѣтилъ тамъ о. Ефима; онъ тотъ-часъ всадилъ меня на свой скоть и препроводилъ къ себѣ на Старый Кіевъ для свиданія съ объявившимся Тарасомъ. У меня невольно забилось сердце при мысли о скоромъ свиданіи съ человѣкомъ, котораго я давно чтилъ въ душѣ за его несравненный талантъ; молодое воображеніе рисовало его въ какихъ то причудливыхъ, необыкновенныхъ чертахъ; я думалъ о первой встрѣчѣ, первомъ привѣтствіи и, признаюсь, смущень былъ не мало, не зная, съ чего начать. Увы! скоро всѣ мечты разсѣялись, какъ дымъ, при видѣ глубоко-грустной картины: Тарасъ, котораго не оказалось въ комнатахъ, вскорѣ найденъ нами у

воротъ въ преждевременномъ и отнюдь не непорочномъ снѣ... Не скрываю этого скорбнаго факта, свидѣтельствующаго, какъ теперь мнѣ думается, не столько о вынесенной поэтомъ изъ крестьянской среды привычкѣ, усиленной послѣдующими тяжелыми испытаніями, сколько о той великой тугѣ отъ неудачнаго гаданья на зернь, которую онъ хотѣлъ залить, заохочиваемый, быть можетъ, развеселымъ хозяиномъ, который жилъ, столь же мало думая о вчерашнемъ, какъ и о завтрашнемъ днѣ. Указанное обстоятельство нисколько, разумѣется, не уменьшило моего глубокаго уваженія къ поэту и сердечныхъ моихъ симпатій къ нему, но повергло меня въ неописанное смущеніе, въ которомъ я счелъ за лучшее удалиться въ комнаты. Не меньше моего, кажется, смущень былъ и Тарасъ Гр., когда, кое-какъ разбуженный о. Ефимомъ, вошелъ съ нимъ въ комнату и увидѣлъ меня. «Охъ, Зелена, Зелена!» повторялъ онъ со вздохомъ, то глядя на меня, то опуская голову на грудь. Хотя радушный хозяинъ поспѣшилъ разшевелить насъ наливочкою; но разговориться на сей разъ мы никакъ уже не могли, и я скоро отправился къ себѣ на квартиру.

На другой день, часовъ въ 5-ть пополудни, Т. Гр. пришелъ ко мнѣ и тутъ уже мы разговорились не по вчерашнему. Съ первыхъ почти словъ онъ заговорилъ о задуманномъ тогда въ Петербургѣ

изданіи «Основы», ея задачахъ и цѣляхъ, силахъ, способахъ и пр. Я въ свою очередь сообщилъ Т. Гр. о готовившемся у насъ періодическомъ изданіи, духовномъ и даже спеціальномъ, но съ мѣстнымъ историко-литературнымъ и церковно-проповѣдническимъ отдѣломъ, къ сожалѣнію, почти не тронутыми потомъ при выполнении. Тарасъ Гр. отнесся къ нашему предпріятію съ величайшимъ сочувствіемъ и одобреніемъ, желалъ намъ полнаго успѣха, но въ то же время, указывая на свое петербургское изданіе, широкое и болѣе мѣстное по своей задачѣ, заохочивалъ меня къ участию въ немъ, просилъ указать другихъ, готовыхъ трудиться на этомъ поприщѣ. Трудно было мнѣ дать какой либо удовлетворительный отвѣтъ на теплыя задушевныя слова земляка-поэта; никто въ нашемъ заколдованномъ кружкѣ не обмакивалъ еще пера для печати и самъ я ничего также не писалъ и не печаталъ, кромѣ одной маленькой статейки, случайно и безъ моего вѣдома попавшей въ томъ году въ Русскую Бесѣду. Была, правда, у меня на сей разъ одна небольшая вещица, написанная мною по малорусски, въ видѣ образчика, для поддержанія мѣстной идеи, которую я проводилъ въ программѣ нашего изданія; но, боясь судьбы стиховъ Табачникова, я не вдругъ и послѣ нѣкотораго насилія надъ собою рѣшился показать ее великому моему

гостю. Онъ попросилъ меня прочесть и не успѣлъ я окончить, какъ онъ обѣими руками взялъ ее у меня изъ рукъ и, закладывая въ свой карманъ, сказала: «теперь хоть вы мени що, а вже я вамъ и до вику вичніого не отдамъ». Такъ и не отдалъ онъ уже мнѣ моего рукописанія, увезъ его съ собою въ Петербургъ, читалъ землякамъ, восторгался чистотою рѣчи, ея ритмомъ, речитативомъ, какъ говорилъ онъ мнѣ самъ, какъ писали мнѣ другіе. Онъ не могъ надивиться, какъ сохранилъ я, пройдя школу, такую чистую народную рѣчь, а меня удивляло самое это удивленіе. - Вѣдь это таже родная рѣчь, которой научила насъ одна мать - зеленая дуброва, думалъ я, обращаясь мысленно къ поэту, давшему образцы бессмертной рѣчи; только владѣемъ мы ею не однаково, ибо неодинаковыми талантами надѣлили насъ Богъ. - Не много позже, когда съ изданіемъ «Основы» заговорили въ ней на разныхъ языкахъ подъ названіемъ малорусскаго, я понялъ причину удивленія Шевченка моей немудрой рѣчи.

Не помню, въ этотъ ли разъ, или при другомъ посѣщеніи, Тарасъ Гр. рассказывалъ мнѣ, въ какое недоумѣніе привели его присланныя ему П.А. Кулишемъ Нижній-Новгородъ извѣстныя «Оповіданя Марка Вовчка», снабженныя его предисловіемъ. «Сижу я, бачите, въ Нижнѣму, та выглядаю того розришенія (ѣхать въ Москву), якъ стара баба лита. Коли це присылае Пантелимонъ оти

оповидання и такъ уже ихъ захваляе, та просить, щобъ я ихъ прочитавъ и сказавъ свое слово. Я звычайно починаю зпершу, зъ передмовы. И двохъ стряничокъ не перечитавъ, згорнувъ тай кинувъ за лаву. - Птьфу, кажу; хйба не видно Кулишевой работы. - Лежали вони тамъ килька недиль. Коли зновъ пише до меня Кулишъ, нагадуе та просить, щобъ скорйше перечитавъ, або хоть такъ ввернувъ. Тоди я розскривъ по середыни и читаю. - Э, кажу соби, це вже не Кулишева нова, и перечитавши до остатку, благословивъ обома руками».

Въ эти первые дни свиданія моего съ Тарасомъ Григорьевичемъ, онъ получилъ извѣстiе о томъ, что дѣло его приходитъ къ благополучному концу и что ему будетъ разрѣшено свободно отправиться, куда хочеть. Тарасъ Гр. замѣтно повеселѣлъ и вскорѣ перешелъ на жительство отъ о. Ефима Ботвиновскаго къ фотографу Гудовскому, жившему на углу Мало-Житомирской улицы со стороны Крещатика. Тутъ мнѣ пришлось побывать у него еще раза два по особому его порученiю. Просиль онъ меня поискать, не найдется ли гдѣ въ Кiевѣ списка его поэмы «Иванъ Гусъ», просиль также принести ему для прочета большую тетрадь малорусскихъ стихотворенiй покойнаго нынѣ профессора К.Д. Думитрашка. Поиски за «Гусомъ» оказались совершенно безуспѣшными, а по поводу стихотворенiй Думитрашка, который мы читали вмѣстѣ, онъ выразиль сожалѣнiе, что этотъ

безспорно даровитый человекъ вздумалъ перекладывать стихами оригинальныя народныя легенды, причемъ совершенно утрачивался иногда натуральный ихъ букетъ. Гораздо большую услугу, говорилъ Тарасъ Гр., оказалъ бы наукѣ вашъ поэтъ, если бы записалъ дословно всѣ эти легенды и рассказы, какъ они живутъ въ устахъ народа.

Въ поискахъ за «Гусомъ» Шевченко припоминалъ нѣкоторыя мѣста изъ этой поэмы и мурлыкалъ ихъ про себя; но и то, что можно было слышать, давно улетѣло изъ памяти моей. Помню, что, живши еще у о. Ефима Ботвиновскаго, онъ записалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги слѣдующіе стихи изъ тирады о папѣ:

И на апостольськимъ престоли
Чернецъ годованый сыдыть.
Людскою кровью винь шинкуе
И рай у наймы отдае...
О милый Боже! Судь твѣй всеу
И всеу царствіе твое.

По поводу тѣхъ же поисковъ случилось Тарасу Гр. познакомиться съ столоначальникомъ кievской консисторіи, Даниломъ Кирилловичемъ Поставскимъ и узнать отъ него много малорусскихъ анекдотовъ, которыхъ онъ прежде никогда не слышалъ. Въ числѣ ихъ особенно заинтересовалъ его анекдотъ о молодой канонархинѣ женскаго монастыря, посредствомъ припѣвовъ къ стихирамъ

передававшей своей подругѣ вѣсть объ ожидающемъ ее свиданіи. Передавая мнѣ этотъ анекдотъ во время прогулки по Крещатику, Тарасъ Гр. до того увлекался имъ, что, забывая о проходящей публикѣ, далеко не вполголоса напѣвалъ: «Мене ждуть праведныци, а тебе, Палажко, на гори семинаристы ждуть, дендеже» и проч.

Случилось мнѣ за короткое время моего знакомства съ Тарасомъ Григорьевичемъ быть съ нимъ вмѣстѣ на одномъ семейномъ обѣдѣ, а въ другой разъ на скромномъ гуляньи на Оболони близъ Почайны. Радужнѣйшій хозяинъ, пригласившій Тараса Григорьевича на обѣдъ, пожелалъ выдержать всѣ предковскія церемоніи угощеній, поэтому пили «стуканця» настоящей запеканки на калганѣ и бадьянѣ, пили до борщу и послѣ борщу, пили потому, что рыба въ води плавала и потому, что она воду любила, полоскали зубы и на потуху пили. День былъ нестерпимо жаркій, въ комнатѣ духота; къ концу обѣда Тарасъ Григорьевичъ видимо ослабѣлъ. Когда потомъ замужняя дочь хозяина сѣла за фортепянь и подъ аккомпаніеманъ его запѣла общеупотребительныя тогда: *Віють витры* и *Ихавъ козакъ за Дунай* (изданій народныхъ пѣсенъ съ музыкою тогда совсѣмъ еще не было), онъ сталъ непринужденно и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ

высказывать свое неодобрение всему этому наследію гр. Сартти и других италіанско-малорусскихъ композиторовъ, а когда добродушнѣйшая хозяйка угостила насъ въ заключеніе такою варенухою, какая подавалась развѣ въ гетманскихъ и полковничьихъ будынкахъ, то великій поэтъ превратился въ самага слабаго смертнаго, утратилъ всякое самообладаніе и соображеніе, такъ что не только о. Ефимъ поспѣшилъ увезти его на квартиру, но и готовившаяся въ тотъ день поѣздка за Днѣпръ не могла состояться. Совсѣмъ иначе прошло чаепитіе на Почайнѣ, устроенное молодыми почитателями таланта Шевченка изъ чиновничьяго и педагогическаго кружковъ. Компанія была не большая; собрались люди близкіе; пили чай, расположившись на травѣ и вели бесѣду о прелестяхъ кievской природы и Украины вообще, о минувшихъ временахъ, о богатствѣ народной поэзіи, о необходимости собирать памятники народнаго творчества и пр. и пр. Ничего лишняго не было ни въ рѣчахъ, ни въ угощеніи; вечеръ прошелъ живо и закончился общимъ удовольствіемъ. Дорогой нашъ гость былъ сначала задумчивъ и молчаливъ; потомъ мало по малу разговорился, восхищался Днѣпромъ, Почайной, видомъ Кіева, Андреевской церкви, Щекавицы, а когда солнце скрылось за горами, легкій туманъ пошелъ по Оболоню и вверху на чистомъ небѣ стали показываться то тамъ, то сямъ ярко

свѣтившія звѣзды, Шевченко, стоя лицомъ къ западу, своимъ чистымъ, серебристымъ, чуть чуть дрожавшимъ голосомъ запѣлъ свою любимую пѣсню: *Ой изійди, зійди, та вечирняя зиронько...* И пѣлъ онъ съ такимъ одушевленіемъ, съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что звуки этой пѣсни и теперь спустя 26 лѣтъ отдаются въ моихъ ушахъ. Воздухъ постепенно свѣжѣлъ; августъ давалъ себя знать и мы поспѣшили по домамъ.

Отъѣздъ Шевченка изъ Кіева въ Петербурга послѣдоваль такъ скоро и неожиданно, что я не могъ ни проститься съ нимъ, ни проводить его. Изъ Петербурга онъ прислалъ мнѣ свою фотографію, снятую Гудовскимъ, и два экземпляра вышедшаго тогда «Кобзаря». Другой экземпляръ онъ просилъ меня передать проф. Н.Д. Иванишеву, его такъ сказать сослуживцу по комисіи для разбора древнихъ актовъ. Покойный Иванишевъ, рядомъ съ которымъ я квартировалъ, принялъ подарокъ Шевченка съ обычнымъ своимъ зоильствомъ, по которому онъ ради краснаго словца не щадилъ иногда и роднаго отца.

— А, это нашъ славный поэтъ! Скажите, какую толстую книгу написаль. Видно, тамъ не даромъ его фухтелями угощали. Въ сущности вѣдь пьянчужка былъ. Право. Какъ-то онъ обѣдалъ у меня. Я, самъ вы знаете, ни ядца, ни пійца; ну, и ему много не даю, зная его страстишку. Послѣ обѣда

приглашаю его въ мой садикъ, а онъ отказывается, лучше говорить, книжку читаю. Пока я погулялъ не много, а онъ тутъ весь графинчикъ осушилъ.

Я не возражалъ многоученому профессору, зная довольно уже его натуру и то, что за этими язвительными словами у него скрываются самыя вѣрныя о людяхъ сужденія, которыхъ онъ однако въ большей части не имѣлъ привычки высказывать.

Прошло болѣе полутора года; я готовился начать семейную жизнь. Въ это именно время привезли въ Кіевъ покойнаго уже Шевченка. Мнѣ было тогда не до похоронъ и не до проводъ; я едва могъ побывать на отпѣваніи и проводить гробъ до парохода. Отъ того и воспоминаній у меня объ этомъ времени осталось не много. Были у меня В.Гр. Шевченко и художникъ Честоховскій въ ту пору, когда гробъ покойнаго остановленъ былъ за Днѣпромъ, и толковали со мною и братомъ о какихъ-то затрудненіяхъ, представившихся для провоза тѣла чрезъ Кіевъ, и о мѣстѣ погребенія, которое окончательно избрали близъ Канева. Не помню, сколько дней гробъ Шевченка простоялъ въ Кіевѣ, но при провозѣ его по набережному шоссе изъ за Днѣпра къ церкви Рождества Христова и обратно къ пароходу собирались огромныя массы народа, да и вообще въ тѣ дни въ Кіевѣ было значительное оживленіе и возбужденіе въ нѣкоторыхъ кружкахъ. При отпѣваніи церковь была переполнена,

александровская улица запружена самую разнообразною публикою. Нигдѣ, кажется, нѣтъ населенія столько любопытнаго и охочаго до зрѣлищъ, какъ въ Кіевѣ; поставь только гдѣ либо будочника и сей часъ соберутся толпы. Простой народъ совсѣмъ не могъ понять, если ему кто и объяснялъ, что такое поэтъ и за что ему такая честь. Иной десятскій или жандармъ на докучливые вопросы называлъ покойника просто генераломъ. И въ людяхъ понимающихъ не обошлось безъ комичныхъ сценъ. Пришелъ на отпѣваніе учитель гимназіи изъ евреевъ и, стоя у гроба, съ покиваніемъ головы и вздохомъ говорилъ сосѣду: «нема насого Тараса»! Семинаристы, забравшіеся на клирость, не нашли чѣмъ другимъ заявить своей симпатіи отпѣваемому поэту, какъ затынувъ въ концѣ *«вечная память»*... Одинъ студентъ, говорившій рѣчь на шоссе, величалъ поэта всевозможными именами: «ты нашъ батьку, учителю, пророче». При послѣднемъ словѣ баба-торговка, внимательно слушавшая рѣчь, плюнула со злостью и сказавши: «отъ, ка-зна що говорить», ушла домой. Другой студентъ, взлѣзшій на колесо, до того сконфузился и запутался, что не могъ кончить рѣчи. Большая возня была, когда пришлось наконецъ по ту сторону цѣпнаго моста спустить гробъ съ высокой насыпи къ пароходу; простыхъ рабочихъ тутъ не случилось, а почитатели таланта поэта не могли оцѣпить гробъ веревками.

Замѣтивъ это, я отдалъ мой зонтикъ и шляпу стоявшему подлѣ меня племяннику Тараса, моему односельцу, Олексѣ Красицкому, а самъ взобрался на верхъ гроба, обвязалъ его съ помощію другихъ вокругъ, затянулъ узелъ съ двумя длинными концами и затѣмъ оглянулся съ высоты, ища глазами Олексы. Онъ въ свою очередь слѣдилъ за мною, боясь потерять меня изъ виду, и, лишь только мы встрѣтились глазами, какъ онъ, потрясая поверхъ головы зонтикомъ и шляпой, во все деревенское свое горло закричалъ: «Панычу! Ось, ось!»! Это привлекло къ нему общее вниманіе и вызвало смѣхъ вокругъ.

Не за долго до привоза тѣла Шевченка въ Кіевъ пришлось мнѣ проѣхать на родину и быть въ послѣдній разъ у о. Григорія и Ксеніи Прокопьевны Кошицовыхъ. Дошла и туда вѣсть о смерти жившаго нѣкогда у нихъ Тараса и о томъ, какъ чествовали его по смерти. О. Григорій и теперь не могъ признать въ своемъ бывшемъ наймитѣ какого-то безсмертнаго поэта и судилъ объ немъ только по воспоминаніямъ, какъ о простомъ работникѣ.

— Не знаю, за що ёго такъ выславили. Этъ, такъ ледащо соби було, закончилъ онъ.

А добродѣтельнѣйшая Ксенія Прокопьевна относилась къ нему, какъ и ко всѣмъ, и теперь исполнѣ любовно и снисходительно.

— Вичный покой души его, царство ёму небесное, говорила она. Робивъ винъ и у насъ скільки литъ; не дуже, правда, охочій бувъ до роботы и трошки таки упартый, а все жъ працювавъ для насъ, издивъ зъ нами, побивався по дорогахъ зъ Ясемъ, худибки доглядавъ. Пошли ёму, Господи, царство небесное!

Послѣ распродажи имущества Т.Гр. Шевченка пересланъ былъ мнѣ изъ Петербурга лѣтній парусинный костюмъ его, который и доселѣ хранится у меня.

Ө. Лобода».

БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В МОСКВЕ

Список иллюстраций

Феофан Гаврилович Лебединцев	3
Обложка журнала «Киевская старина»	4
Киево-Печерская Лавра (гравюра середины XIX в.)	7
Киево-Печерская Лавра. Дальние пещеры (гравюра середины XIX в.)	10
Православный кафедральный собор в городе Холме (гравюра второй половины XIX в.)	13
Титульный лист «Справочного указателя статей и заметок, помещенных в журнале «Киевская старина» за 1882—1887 гг.», прилагавшегося к XX тому журнала (Киев, 1888)	16
Киев. Церковь св. апостола Андрея Первозванного (гравюра середины XIX в.) ...	19
Киево-Печерская Лавра. Троицкая надвратная церковь (гравюра середины XIX в.)	24

Содержание

Посланец Черкасской земли	5
Первый журнал	8
Холмщина	11
Сколько же им написано?	14
«Киевская старина»	17
Приложение	
Воспоминания Ф.Г. Лебединцева о Т.Г. Шевченко	25
Список иллюстраций	47

Научно-информационное издание

Юрий Андреевич Лабынцев
Лариса Леонидовна Щавинская

Феофан Лебединцев
– основатель «Киевской старины»
